

Зимой, в самом конце 1828 года, на балу у знаменитого московского танмейстера Иогеля Пушкин встретил 16-летнюю необычайно красивую девочку — Наталью Гончарову. Она только недавно начала выступать, но о ней уже заговорили в свете, называя ее одной из первых московских красавиц, восхищаясь ее одухотворенной, «романтической» прелестью.

Очарованный поэт вскоре сделал ей предложение и получил неопределенный ответ — полутак, полусогласие. Но он не отступил: слишком сильно была его влюбленность; мечта о счастье с этой девочкой, такой не похожей на него, такой спокойной, нежной, умиротворяющей, кружила ему голову.

Около двух лет тянулась история пушкинского сватовства. И вот наконец в апреле 1830 года согласие было получено. «Участь моя решена. Я женись... Та, которую любию я целые два года, которую везде первую отыскивали глаза мои, с которой

отделана, приготовлена к приему молодой жены. 5 комнат, в которых жили Пушкины, находились во 2-м этаже: зал, гостиная, кабинет, спальня, будуар. К сожалению, нам почти ничего неизвестно об их убранстве. Располагая же мы только воспоминаниями Павла Петровича Вяземского, сына Петра Андреевича, о том, как он десятилетним мальчиком принимал участие в свадьбе Пушкина и «по совершении брака в церкви, отправился вместе с Павлом Войновичем ناشокиным в квартиру поэта для встречи новорожденных с образом. В шегольской, уютной гостиной Пушкина, оклеенной диковинными для меня обоями под липовый бархат с рельефными набивными цветочками, я нашел на одной из полошек, устроенных по обоям бокам дивана, никогда мною невиданный и неслыханный собрание стихотворений Кириши Данилова. Были эти, напечатанные в важном формате и переданные на видном языке, приковали мое внимание на весь вечер».

А. С. Пушкин:
«Ах, душа моя, какую женку я себе завел!»

«...Творец тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна, Чистейшей прелести чистейший образец»

встреча казалась мне блаженством — боже мой — она... почти моя... Я готов уловить жизнь и без того неполную. Я никогда не хлопотал о счастье, я мог обойтись без него. Теперь мне нужно на двоих, а где мне взять его?» Так пишет Пушкин в незавершенном отрывке весной 1830 года, сразу после помолвки. С этого времени постоянно Пушкин возвращается к мысли о возможности счастья для него, бездомного, гонимого поэта с зыбким и туманным будущим.

В последних числах августа 1830 года он едет в Болдино для раздела имения, часть которого перед женой выделит ему отец. Едет с беспокойной душой. «Я уезжаю, рассорившись с г-жей Гончаровой», — пишет он княгине Вяземской. — На следующий день после бала она устроила мне самую нелепую сцену, какую только можно себе представить. Она мне наговорила вещей, которых я по чести не мог стерпеть. Не знаю еще, расстроилась ли моя женитба, но повод для этого налицо, и я оставил дверь открытой настуже... Ах, что за проклятая штука счастье!»

И то же самое в письме к невесте: «Если ваша матушка решила расторгнуть нашу помолвку, а вы решили повиноваться ей, — подпишущие под всеми предложениями, какие ей угодно будет выставить... Быть может, она права, а неправ был я, на мгновение поверив, что счастье создано для меня».

В феврале 1831 года в письмах Пушкина появляется новый адрес: «Пиши мне на Арбат в дом Хитровой». «Mon adresse: дом Хитровой на Арбате».

Дом этот, двухэтажный каменный особняк недалеко от Смоленской площади, сохранился до наших дней и хорошо известен москвичам. Он был построен еще до 1812 года: с тех пор много раз перестраивался.

Пушкин нанял квартиру в особняке Хитровой 23 января 1831 года, но присмотрел ее и вел переговоры, конечно, раньше — в январе, а может быть, и в декабре. Переехал он туда, по-видимому, в начале февраля 1831 года. Квартира была назово

Отрывок из книги «Пушкин в Москве».

Вот, пожалуй, и все, что мы знаем о квартире Пушкина в Пречистенской части», как писали в своих донесениях о поэте московские жандармы. Но о жизни Пушкина в доме Хитровой, вообще о московской жизни поэта в этот период — с 5 декабря 1830 по 15 мая 1831 года — нам известно довольно много. Более того, иногда мы можем очень подробно — почти по дням — проследить, что делал поэт, где он бывал, кто приезжал к нему, что он читал и пр.

Чем же жил Пушкин эти пять с половиной месяцев? Что было у него на душе? Негативное ожидание свадьбы; нервное напряжение от постоянных сплет, которые устраивала ему мать невесты Наталья Ивановна; лихорадочные попытки достать деньги к свадьбе; тревога и беспокойство перед решительным поворотом в судьбе, перед неизбежностью; какая-то рассеянность, вообще не свойственная Пушкину, как будто стремление хлопотами, встречами, светскими пустяками заглушить мысли в будущем, о своей ответственности перед молодой девушкой, связавшей с ним свою судьбу. И любовь к этой девочке, к тихой московской барышне с чистым лбом и покорными грустными глазами.

В эти месяцы Пушкин почти ничего не пишет. Ему не до того. Он слишком взбудоражен, слишком потрясен надвигающейся переменой в жизни. «...Не стихи на уме теперь», — признается он приятелям. А может быть, он инстинктивно отдухает после нечеловеческого бодринского взлета. Но в письмах его и к нему, в воспоминаниях и дневниках людей, встречавшихся с ним в это время, мы постоянно находим отголоски его размышлений, замислов, споров, как бы видим круг его интересов, который в эти дни никак не мог ограничиться мыслями о женитбе. Характерная деталь: на «мальчишнике» — холостяцкой пирушке накануне венчания — о чем говорят молодые люди? «Там Баратынский и Вяземский толкуют о нравственной пользе», — с известной долей иронии записал в дневнике Михаил Петрович Погодин, не приглашенный на «мальчишник», но зашедший в это время к Пушкину «пожелать

добра». И даже в день венчания, на обеде, чиновном и парадном, Пушкин вдруг пускается в разговоры о былинах Кириши Данилова, о «звучном народном русском языке», о собирателе песен Петре Киреевском. Наверное, родня невесты, все эти многочисленные «московские тетки» были немало обескуражены таким поворотом беседы. Или вот признание обожженной Натальи Николаевны. Она «сама сказала кнзягине Вяземской, что муж ее в первый же день брака как встал с постели, так и не выдал ее. К нему, пришли приятель, о которых им до того договорились, что забыл по жену и пришел к ней только к обеде. Она очутилась одна в чужом доме и заплакала слезами».

И чтение товарищам своих произведений, написанных в Болдино, доверчивое ожидание их дружеского суда; и вечера в подмосковном Остафьеве — имении Вяземского; литературные и исторические споры с Погодинами; бесконечные разго

во им распределение: 11 000 теще, которая непременно хотела, чтоб дочь ее была с приданным — пиши пропало. 10 000 Нащокину, да вырчи его из плохих обстоятельств; деньги верные. Остается 17 000 на озаведение и житее годичное».

Письма Пушкина этих месяцев полны таких фраз: «...взял с собою последнее соотношение... коли можешь, достань с своей стороны тысячу лев» (Нащокину). «Пришли мне денег сколько можно более. Здесь ломбард закрыт, и я на мели» (Плетневу). И как итог всего — горестный и нетерпеливый призыв к всегда выручающему Плетневу: «Денги, денги: вот главное, пришли мне денег».

Свадьба беспрестанно откладывалась. «Пушкин настаивал, чтобы поскорее их обвенчали. Но Наталья Ивановна напротив ему объявила, что у нее нет денег. Тогда Пушкин заложил имение, привез денег и просил шить приданое. Много денег пошло на разные пустяки и на соб-

ственные наряды Натальи Ивановны», — вспоминает княгиня Долгорукова.

Временами на поэта находила жестокая хандра. В такие моменты он нервничал, жаловался друзьям, ходил напившись. В один из таких черных дней, всего за неделю до свадьбы, он писал своему приятелю Николаю Ивановичу Кривцову: «Женят — или почти все, что бы ты мог сказать мне в пользу холостой жизни и против женитбы, все уже мною переделано. Я хладнокровно взвесил выгоды и невыгоды состояния, мною избираемого. Молодость моя прошла шумно и бесплодно. До сих пор я жил иначе как обыкновенно живут. Счастья мне не было... Мне за 30 лет. В тридцать лет люди обыкновенно женятся — я поступаю как люди и, вероятно, не буду в том раскаиваться. К тому же я женюсь без упреков, без ребяческого омарования. Будущность является мне не в розах, но в строгой наготе своей...»

Были у Пушкина и другие серьезные основания для мрачности. Зловещей тенью нависает над последним предсвадебным месяцем горе: вечером 14 января в Петербурге умирает Дельвиг — самый близкий, самый нежный, самый любимый друг... «Милый мой, что ж такое жизнь?» — горестно заканчивает Плетнев свое письмо к Пушкину, написанное через несколько часов после кончины Дельвига. «Грустно, тоска», — вторит ему Пушкин. «...Никто на свете не был мне ближе Дельвига... Без него мы точно ослепели». И в этом же письме: «Нечего думать! Согласился. Покойник Дельвиг. Быть так... Будь здоров — и постараюсь быть живым». По поводу этих строк великопечно сказал Анненков: «Какая-то особенная бодрость духа не покидала Пушкина в минуты самых тяжелых ударов. Она не изменила ему в муках

Теща озлоблена. Денег нет, и непонятно, как их достать. До сих пор их тоже не было, но это как-то не очень волновало: ведь он был один. А теперь голова разделяется от назойливых и мелких расчетов. «Через несколько дней я женись; и представляю тебе хозяйственный отчет», — пишет он Плетневу около 16 февраля, а заложил я моих 200 душ, взял 38 000 — и

Окончание на стр. 23

венчанского хора Ильи Соколова. Вот как много лет спустя Татьяна Демьяновна рассказывала об этой встрече: «Не успели мы и поздороваться, как под крыльцо сани подкатили, и в сени вошел Пушкин. Увидел меня из сеней и кричит: «Ах, радость моя, как я рад тебе, здорово, моя бесценная!» — поцеловал меня в щеку и уселся на софу. Сел и задумался, да так, будто тяжело, голову на руку опер, глядит на меня: «Спой мне, говори, Таня, что-нибудь на счастье; слышала, может быть, я женись?» — «Как не слышать, говорю, дай вам бог, Александр Сергеевич!» — «Ну, спой мне, спой!» — «Давай, говорю, Оля, гитару, споем барину!» Она принесла гитару, стала я подбирать, да и думаю, что мне спеть... Только на сердце у меня у самой невесело было в

получил неопределенный ответ — полутак, полусогласие. Но он не отступил: слишком сильно была его влюбленность; мечта о счастье с этой девочкой, такой не похожей на него, такой спокойной, нежной, умиротворяющей, кружила ему голову.

Около двух лет тянулась история пушкинского сватовства. И вот наконец в апреле 1830 года согласие было получено. «Участь моя решена. Я женись... Та, которую любию я целые два года, которую везде первую отыскивали глаза мои, с которой

отделана, приготовлена к приему молодой жены. 5 комнат, в которых жили Пушкины, находились во 2-м этаже: зал, гостиная, кабинет, спальня, будуар. К сожалению, нам почти ничего неизвестно об их убранстве. Располагая же мы только воспоминаниями Павла Петровича Вяземского, сына Петра Андреевича, о том, как он десятилетним мальчиком принимал участие в свадьбе Пушкина и «по совершении брака в церкви, отправился вместе с Павлом Войновичем нашокиным в квартиру поэта для встречи новорожденных с образом. В шегольской, уютной гостиной Пушкина, оклеенной диковинными для меня обоями под липовый бархат с рельефными набивными цветочками, я нашел на одной из полошек, устроенных по обоям бокам дивана, никогда мною невиданный и неслыханный собрание стихотворений Кириши Данилова. Были эти, напечатанные в важном формате и переданные на видном языке, приковали мое внимание на весь вечер».

Чем же жил Пушкин эти пять с половиной месяцев? Что было у него на душе? Негативное ожидание свадьбы; нервное напряжение от постоянных сплет, которые устраивала ему мать невесты Наталья Ивановна; лихорадочные попытки достать деньги к свадьбе; тревога и беспокойство перед решительным поворотом в судьбе, перед неизбежностью; какая-то рассеянность, вообще не свойственная Пушкину, как будто стремление хлопотами, встречами, светскими пустяками заглушить мысли в будущем, о своей ответственности перед молодой девушкой, связавшей с ним свою судьбу. И любовь к этой девочке, к тихой московской барышне с чистым лбом и покорными грустными глазами.

В эти месяцы Пушкин почти ничего не пишет. Ему не до того. Он слишком взбудоражен, слишком потрясен надвигающейся переменой в жизни. «...Не стихи на уме теперь», — признается он приятелям. А может быть, он инстинктивно отдухает после нечеловеческого бодринского взлета. Но в письмах его и к нему, в воспоминаниях и дневниках людей, встречавшихся с ним в это время, мы постоянно находим отголоски его размышлений, замислов, споров, как бы видим круг его интересов, который в эти дни никак не мог ограничиться мыслями о женитбе. Характерная деталь: на «мальчишнике» — холостяцкой пирушке накануне венчания — о чем говорят молодые люди? «Там Баратынский и Вяземский толкуют о нравственной пользе», — с известной долей иронии записал в дневнике Михаил Петрович Погодин, не приглашенный на «мальчишник», но зашедший в это время к Пушкину «пожелать

добра». И даже в день венчания, на обеде, чиновном и парадном, Пушкин вдруг пускается в разговоры о былинах Кириши Данилова, о «звучном народном русском языке», о собирателе песен Петре Киреевском. Наверное, родня невесты, все эти многочисленные «московские тетки» были немало обескуражены таким поворотом беседы. Или вот признание обожженной Натальи Николаевны. Она «сама сказала кнзягине Вяземской, что муж ее в первый же день брака как встал с постели, так и не выдал ее. К нему, пришли приятель, о которых им до того договорились, что забыл по жену и пришел к ней только к обеде. Она очутилась одна в чужом доме и заплакала слезами».

И чтение товарищам своих произведений, написанных в Болдино, доверчивое ожидание их дружеского суда; и вечера в подмосковном Остафьеве — имении Вяземского; литературные и исторические споры с Погодинами; бесконечные разго

во им распределение: 11 000 теще, которая непременно хотела, чтоб дочь ее была с приданным — пиши пропало. 10 000 Нащокину, да вырчи его из плохих обстоятельств; деньги верные. Остается 17 000 на озаведение и житее годичное».

Письма Пушкина этих месяцев полны таких фраз: «...взял с собою последнее соотношение... коли можешь, достань с своей стороны тысячу лев» (Нащокину). «Пришли мне денег сколько можно более. Здесь ломбард закрыт, и я на мели» (Плетневу). И как итог всего — горестный и нетерпеливый призыв к всегда выручающему Плетневу: «Денги, денги: вот главное, пришли мне денег».

Свадьба беспрестанно откладывалась. «Пушкин настаивал, чтобы поскорее их обвенчали. Но Наталья Ивановна напротив ему объявила, что у нее нет денег. Тогда Пушкин заложил имение, привез денег и просил шить приданое. Много денег пошло на разные пустяки и на соб-

ственные наряды Натальи Ивановны», — вспоминает княгиня Долгорукова.

Временами на поэта находила жестокая хандра. В такие моменты он нервничал, жаловался друзьям, ходил напившись. В один из таких черных дней, всего за неделю до свадьбы, он писал своему приятелю Николаю Ивановичу Кривцову: «Женят — или почти все, что бы ты мог сказать мне в пользу холостой жизни и против женитбы, все уже мною переделано. Я хладнокровно взвесил выгоды и невыгоды состояния, мною избираемого. Молодость моя прошла шумно и бесплодно. До сих пор я жил иначе как обыкновенно живут. Счастья мне не было... Мне за 30 лет. В тридцать лет люди обыкновенно женятся — я поступаю как люди и, вероятно, не буду в том раскаиваться. К тому же я женюсь без упреков, без ребяческого омарования. Будущность является мне не в розах, но в строгой наготе своей...»

Были у Пушкина и другие серьезные основания для мрачности. Зловещей тенью нависает над последним предсвадебным месяцем горе: вечером 14 января в Петербурге умирает Дельвиг — самый близкий, самый нежный, самый любимый друг... «Милый мой, что ж такое жизнь?» — горестно заканчивает Плетнев свое письмо к Пушкину, написанное через несколько часов после кончины Дельвига. «Грустно, тоска», — вторит ему Пушкин. «...Никто на свете не был мне ближе Дельвига... Без него мы точно ослепели». И в этом же письме: «Нечего думать! Согласился. Покойник Дельвиг. Быть так... Будь здоров — и постараюсь быть живым». По поводу этих строк великопечно сказал Анненков: «Какая-то особенная бодрость духа не покидала Пушкина в минуты самых тяжелых ударов. Она не изменила ему в муках

Теща озлоблена. Денег нет, и непонятно, как их достать. До сих пор их тоже не было, но это как-то не очень волновало: ведь он был один. А теперь голова разделяется от назойливых и мелких расчетов. «Через несколько дней я женись; и представляю тебе хозяйственный отчет», — пишет он Плетневу около 16 февраля, а заложил я моих 200 душ, взял 38 000 — и

венчанского хора Ильи Соколова. Вот как много лет спустя Татьяна Демьяновна рассказывала об этой встрече: «Не успели мы и поздороваться, как под крыльцо сани подкатили, и в сени вошел Пушкин. Увидел меня из сеней и кричит: «Ах, радость моя, как я рад тебе, здорово, моя бесценная!» — поцеловал меня в щеку и уселся на софу. Сел и задумался, да так, будто тяжело, голову на руку опер, глядит на меня: «Спой мне, говори, Таня, что-нибудь на счастье; слышала, может быть, я женись?» — «Как не слышать, говорю, дай вам бог, Александр Сергеевич!» — «Ну, спой мне, спой!» — «Давай, говорю, Оля, гитару, споем барину!» Она принесла гитару, стала я подбирать, да и думаю, что мне спеть... Только на сердце у меня у самой невесело было в

получил неопределенный ответ — полутак, полусогласие. Но он не отступил: слишком сильно была его влюбленность; мечта о счастье с этой девочкой, такой не похожей на него, такой спокойной, нежной, умиротворяющей, кружила ему голову.

Около двух лет тянулась история пушкинского сватовства. И вот наконец в апреле 1830 года согласие было получено. «Участь моя решена. Я женись... Та, которую любию я целые два года, которую везде первую отыскивали глаза мои, с которой

лен от суда и дал подписку «дабы впрель никаких своих творений без рассмотрения и пропуска цензуры не осмеливался выпускать в публику». Инцидент этот, воспринятый Пушкиным, наверное, скорее, иронически, тем не менее был симптоматичен и зловещ. Он еще раз напоминает поэту о пристальном внимании властей к его особе, о том, что он, как он выразился несколько лет назад, «от жандарма еще не ушел».

Но в это сложное, противоречивое для Пушкина время его посещает и великая радость: долгожданный выход в свет «Бориса Годунова». Пушкин был бурно счастлив его любимое детище, его трагедия, пять лет проследившая «в столе» произведение, от которого он ждал серьезнейших перемени для русской драматургии и русского сцени, наконец напечатано. Он ликовал, маленькие похвалы «Борису», с детским удовлетворением дарит книгу знакомым, хлопотает о выкупе экземпляров, с нетерпением и опаской ждет «отзыва наших Шлегелей» — и что же? Только читать, какие косность, тупость, насмешки обрушиваются на гениальное создание. Особенно обращают на себя внимание отзывы о «Борисе» в перископе современников. Ругают дружно, все — и враги, и друзья. Редко-редко мелькнет понимание, уважение: гораздо чаще — отрицание, иногда обоснованное, принципиальное, как в письмах Катенина, а иногда и просто безответственно-скипичное, не удаивающее даже приведенным аргументов: «Борис Годунов его очень слаб» (Энгельгардт). «Добро бы хоть в эти пять лет поправлял его, а то все прежде не все, то, что его охладил следовало» (Языков).

«Галиматъя в цескрийском роде» (Каратыгин).

Какая печальная эстетическая глухота! Как странно читать о пушкинских взлетах — «На холмах Луизи», «Позту», «Монастырь на Казбеке», — напечатанных в «Северных ветах за 1831 год», такое, например, мнение: «Пушкин и у нас будто хотел подшутить над самим собой... Стихотворения, скрепленные его именем, все так посредственно... чуть-чуть не ничтожно» («Телескоп», № 2).

Пожалуй, вершиной анекдотизма печатных откликов этих месяцев является «одобрительное» эстетическое некоего Д.Сивова, опубликованное в альманахе «Утренняя звезда за 1831 год:

Наш Пушкин молодец! Для всех он обречен: Хоть пишет мало, Но зато не вло... Между тем свадьба приближалась, тревога, пречувствуй росли.

За два дня до венчания Пушкин вечером был у Нащокина. Там он встретился со своей старой знакомой — цыганкой Таней, певицей из знаменитого московского цы-

ганского хора Ильи Соколова. Вот как много лет спустя Татьяна Демьяновна рассказывала об этой встрече: «Не успели мы и поздороваться, как под крыльцо сани подкатили, и в сени вошел Пушкин. Увидел меня из сеней и кричит: «Ах, радость моя, как я рад тебе, здорово, моя бесценная!» — поцеловал меня в щеку и уселся на софу. Сел и задумался, да так, будто тяжело, голову на руку опер, глядит на меня: «Спой мне, говори, Таня, что-нибудь на счастье; слышала, может быть, я женись?» — «Как не слышать, говорю, дай вам бог, Александр Сергеевич!» — «Ну, спой мне, спой!» — «Давай, говорю, Оля, гитару, споем барину!» Она принесла гитару, стала я подбирать, да и думаю, что мне спеть... Только на сердце у меня у самой невесело было в

получил неопределенный ответ — полутак, полусогласие. Но он не отступил: слишком сильно была его влюбленность; мечта о счастье с этой девочкой, такой не похожей на него, такой спокойной, нежной, умиротворяющей, кружила ему голову.

Около двух лет тянулась история пушкинского сватовства. И вот наконец в апреле 1830 года согласие было получено. «Участь моя решена. Я женись... Та, которую любию я целые два года, которую везде первую отыскивали глаза мои, с которой

отделана, приготовлена к приему молодой жены. 5 комнат, в которых жили Пушкины, находились во 2-м этаже: зал, гостиная, кабинет, спальня, будуар. К сожалению, нам почти ничего неизвестно об их убранстве. Располагая же мы только воспоминаниями Павла Петровича Вяземского, сына Петра Андреевича, о том, как он десятилетним мальчиком принимал участие в свадьбе Пушкина и «по совершении брака в церкви, отправился вместе с Павлом Войновичем нашокиным в квартиру поэта для встречи новорожденных с образом. В шегольской, уютной гостиной Пушкина, оклеенной диковинными для меня обоями под липовый бархат с рельефными набивными цветочками, я нашел на одной из полошек, устроенных по обоям бокам дивана, никогда мною невиданный и неслыханный собрание стихотворений Кириши Данилова. Были эти, напечатанные в важном формате и переданные на видном языке, приковали мое внимание на весь вечер».

Чем же жил Пушкин эти пять с половиной месяцев? Что было у него на душе? Негативное ожидание свадьбы; нервное напряжение от постоянных сплет, которые устраивала ему мать невесты Наталья Ивановна; лихорадочные попытки достать деньги к свадьбе; тревога и беспокойство перед решительным поворотом в судьбе, перед неизбежностью; какая-то рассеянность, вообще не свойственная Пушкину, как будто стремление хлопотами, встречами, светскими пустяками заглушить мысли в будущем, о своей ответственности перед молодой девушкой, связавшей с ним свою судьбу. И любовь к этой девочке, к тихой московской барышне с чистым лбом и покорными грустными глазами.

В эти месяцы Пушкин почти ничего не пишет. Ему не до того. Он слишком взбудоражен, слишком потрясен надвигающейся переменой в жизни. «...Не стихи на уме теперь», — признается он приятелям. А может быть, он инстинктивно отдухает после нечеловеческого бодринского взлета. Но в письмах его и к нему, в воспоминаниях и дневниках людей, встречавшихся с ним в это время, мы постоянно находим отголоски его размышлений, замислов, споров, как бы видим круг его интересов, который в эти дни никак не мог ограничиться мыслями о женитбе. Характерная деталь: на «мальчишнике» — холостяцкой пирушке накануне венчания — о чем говорят молодые люди? «Там Баратынский и Вяземский толкуют о нравственной пользе», — с известной долей иронии записал в дневнике Михаил Петрович Погодин, не приглашенный на «мальчишник», но зашедший в это время к Пушкину «пожелать

добра». И даже в день венчания, на обеде, чиновном и парадном, Пушкин вдруг пускается в разговоры о былинах Кириши Данилова, о «звучном народном русском языке», о собирателе песен Петре Киреевском. Наверное, родня невесты, все эти многочисленные «московские тетки» были немало обескуражены таким поворотом беседы. Или вот признание обожженной Натальи Николаевны. Она «сама сказала кнзягине Вяземской, что муж ее в первый же день брака как встал с постели, так и не выдал ее. К нему, пришли приятель, о которых им до того договорились, что забыл по жену и пришел к ней только к обеде. Она очутилась одна в чужом доме и заплакала слезами».

И чтение товарищам своих произведений, написанных в Болдино, доверчивое ожидание их дружеского суда; и вечера в подмосковном Остафьеве — имении Вяземского; литературные и исторические споры с Погодинами; бесконечные разго

во им распределение: 11 000 теще, которая непременно хотела, чтоб дочь ее была с приданным — пиши пропало. 10 000 Нащокину, да вырчи его из плохих обстоятельств; деньги верные. Остается 17 000 на озаведение и житее годичное».

Письма Пушкина этих месяцев полны таких фраз: «...взял с собою последнее соотношение... коли можешь, достань с своей стороны тысячу лев» (Нащокину). «Пришли мне денег сколько можно более. Здесь ломбард закрыт, и я на мели» (Плетневу). И как итог всего — горестный и нетерпеливый призыв к всегда выручающему Плетневу: «Денги, денги: вот главное, пришли мне денег».

Свадьба беспрестанно откладывалась. «Пушкин настаивал, чтобы поскорее их обвенчали. Но Наталья Ивановна напротив ему объявила, что у нее нет денег. Тогда Пушкин заложил имение, привез денег и просил шить приданое. Много денег пошло на разные пустяки и на соб-

ственные наряды Натальи Ивановны», — вспоминает княгиня Долгорукова.

А. С. Пушкин:
«Ах, душа моя, какую женку я себе завел!»

ганского хора Ильи Соколова. Вот как много лет спустя Татьяна Демьяновна рассказывала об этой встрече: «Не успели мы и поздороваться, как под крыльцо сани подкатили, и в сени вошел Пушкин. Увидел меня из сеней и кричит: «Ах, радость моя, как я рад тебе, здорово, моя бесценная!» — поцеловал меня в щеку и уселся на софу. Сел и задумался, да так, будто тяжело, голову на руку опер, глядит на меня: «Спой мне, говори, Таня, что-нибудь на счастье; слышала, может быть, я женись?» — «Как не слышать, говорю, дай вам бог, Александр Сергеевич!» — «Ну, спой мне, спой!» — «Давай, говорю, Оля, гитару, споем барину!» Она принесла гитару, стала я подбирать, да и думаю, что мне спеть... Только на сердце у меня у самой невесело было в

получил неопределенный ответ — полутак, полусогласие. Но он не отступил: слишком сильно была его влюбленность; мечта о счастье с этой девочкой, такой не похожей на него, такой спокойной, нежной, умиротворяющей, кружила ему голову.

Около двух лет тянулась история пушкинского сватовства. И вот наконец в апреле 1830 года согласие было получено. «Участь моя решена. Я женись... Та, которую любию я целые два года, которую везде первую отыскивали глаза мои, с которой

отделана, приготовлена к приему молодой жены. 5 комнат, в которых жили Пушкины, находились во 2-м этаже: зал, гостиная, кабинет, спальня, будуар. К сожалению, нам почти ничего неизвестно об их убранстве. Располагая же мы только воспоминаниями Павла Петровича Вяземского, сына Петра Андреевича, о том, как он десятилетним мальчиком принимал участие в свадьбе Пушкина и «по совершении брака в церкви, отправился вместе с Павлом Войновичем нашокиным в квартиру поэта для встречи новорожденных с образом. В шегольской, уютной гостиной Пушкина, оклеенной диковинными для меня обоями под липовый бархат с рельефными набивными цветочками, я нашел на одной из полошек, устроенных по обоям бокам дивана, никогда мною невиданный и неслыханный собрание стихотворений Кириши Данилова. Были эти, напечатанные в важном формате и переданные на видном языке, приковали мое внимание на весь вечер».

Чем же жил Пушкин эти пять с половиной месяцев? Что было у него на душе? Негативное ожидание свадьбы; нервное напряжение от постоянных сплет, которые устраивала ему мать невесты Наталья Ивановна; лихорадочные попытки достать деньги к свадьбе; тревога и беспокойство перед решительным поворотом в судьбе, перед неизбежностью; какая-то рассеянность, вообще не свойственная Пушкину, как будто стремление хлопотами, встречами, светскими пустяками заглушить мысли в будущем, о своей ответственности перед молодой девушкой, связавшей с ним свою судьбу. И любовь к этой девочке, к тихой московской барышне с чистым лбом и покорными грустными глазами.

В эти месяцы Пушкин почти ничего не пишет. Ему не до того. Он слишком взбудоражен, слишком потрясен надвигающейся переменой в жизни. «...Не стихи на уме теперь», — признается он приятелям. А может быть, он инстинктивно отдухает после нечеловеческого бодринского взлета. Но в письмах его и к нему, в воспоминаниях и дневниках людей, встречавшихся с ним в это время, мы постоянно находим отголоски его размышлений, замислов, споров, как бы видим круг его интересов, который в эти дни никак не мог ограничиться мыслями о женитбе. Характерная деталь: на «мальчишнике» — холостяцкой пирушке накануне венчания — о чем говорят молодые люди? «Там Баратынский и Вяземский толкуют о нравственной пользе», — с известной долей иронии записал в дневнике Михаил Петрович Погодин, не приглашенный на «мальчишник», но зашедший в это время к Пушкину «пожелать

добра». И даже в день венчания, на обеде, чиновном и парадном, Пушкин вдруг пускается в разговоры о былинах Кириши Данилова, о «звучном народном русском языке», о собирателе песен Петре Киреевском. Наверное, родня невесты, все эти многочисленные «московские тетки» были немало обескуражены таким поворотом беседы. Или вот признание обожженной Натальи Николаевны. Она «сама сказала кнзягине Вяземской, что муж ее в первый же день брака как встал с постели, так и не выдал ее. К нему, пришли приятель, о которых им до того договорились, что забыл по жену и пришел к ней только к обеде. Она очутилась одна в чужом доме и заплакала слезами».

И чтение товарищам своих произведений, написанных в Болдино, доверчивое ожидание их дружеского суда; и вечера в подмосковном Остафьеве — имении Вяземского; литературные и исторические споры с Погодинами; бесконечные разго

во им распределение: 11 000 теще, которая непременно хотела, чтоб дочь ее была с приданным — пиши пропало. 10 000 Нащокину, да вырчи его из плохих обстоятельств; деньги верные. Остается 17 000 на озаведение и житее годичное».

Письма Пушкина этих месяцев полны таких фраз: «...взял с собою последнее соотношение... коли можешь, достань с своей стороны тысячу лев» (Нащокину). «Пришли мне денег сколько можно более. Здесь ломбард закрыт, и я на мели» (Плетневу). И как итог всего — горестный и нетерпеливый призыв к всегда выручающему Плетневу: «Денги, денги: вот главное, пришли мне денег».

Свадьба беспрестанно откладывалась. «Пушкин настаивал, чтобы поскорее их обвенчали. Но Наталья Ивановна напротив ему объявила, что у нее нет денег. Тогда Пушкин заложил имение, привез денег и просил шить приданое. Много денег пошло на разные пустяки и на соб-

ственные наряды Натальи Ивановны», — вспоминает княгиня Долгорукова.

венчанского хора Ильи Соколова. Вот как много лет спустя Татьяна Демьяновна рассказывала об этой встрече: «Не успели мы и поздороваться, как под крыльцо сани подкатили, и в сени вошел Пушкин. Увидел меня из сеней и кричит: «Ах, радость моя, как я рад тебе, здорово, моя бесценная!» — поцеловал меня в щеку и уселся на софу. Сел и задумался, да так, будто